

Танкер «Дербент» : Стахановский рейс -3

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 24 января, 2025

Танкер "Дербент": Стахановский рейс -3 3.

На общем собрании команды «Дербента» был утвержден план первого стахановского рейса. Собственно, собрания и не было вовсе. Не было ни президиума, ни докладчика. Люди приходили с вахты, уходили. В красном уголке стало пасмурно от табачного дыма, и помполит Бредис даже не пытался восстановить порядок. Он слегка морщился, когда шум усиливался и голоса сливались в нестройный, взволнованный гул. Он сидел не оглядываясь и не меняя позы и, казалось, был погружен в раздумье. Только короткие замечания, которые он бросал изредка, показывали, что он внимательно слушает и легко разбирается во всем этом шуме. Не обошлось и без столкновений, как всегда. Матрос Карпушин разложил на столе лист бумаги, на котором была проведена карандашом волнистая линия. Красный и неуклюжий от стеснения, Карпушин рассказал о своих наблюдениях у запасного компаса. Вокруг засмеялись и заговорили все разом. Котельников прищурился, отыскивая в толпе рулевых.

– Это знаете, на что похоже? – начал он серьезно. – Петр да Иван волокут чурбан. Петр надрывается, спину ломает, а Иван пытит да щеки надувает. Нехорошо, товарищи рулевые, очень даже некрасиво с вашей стороны!

– Это все враки, товарищи, – раздались угрюмые голоса, – он сам спит у штурвала... У него тоже судно рыскает!..

– Нет, не враки!

– По зубам его смазать за это, – промолвил чей-то осторожный голос.

Гусейн дернул щекой и поднял броском со скамьи свое тяжелое тело.

– Кто это сказал? – рявкнул он, наливаясь кровью. – А ну, покажись!

– Спокойно, ребята, – сказал помполит, не меняя позы. – Где вы находитесь?.. Карпушин говорит дело. Рулевым надо подтянуться и не смазывать достижений команды. Будем контролировать их первое время.

– Правильно, под контроль их!

– Есть... контролировать рулевых.

– Дальше...

Помощник Алявдин развалился на стуле со своим обычным пренебрежительным, скучающим видом, откинув назад голову и щурясь от дыма. Однако он не переставал наблюдать за дверью. Капитан то появлялся, то снова уходил на мостик. Басов задержался в машинном. Алявдин начинал беспокоиться. Неужели о его предложении забыли?

Но вот вернулся капитан, кряхтя, уселся рядом с помполитом и утомленно прикрыл глаза. В дверях появился Касацкий, оглядел собрание любопытствующим острым взглядом и улыбнулся, очевидно, каким-то своим мыслям. Последним пришел Басов. Он был очень грязен и выглядел усталым. От налета копоти на веках казалось, что глаза его провалились в орбиты, и это придавало ему мрачный, угрожающий вид. Но он улыбнулся и направился прямо к Алявдину.

– Садитесь, Александр Иванович, места хватит, – заговорил Алявдин, подвигаясь на стуле, – я боялся, что вы не придете... Он сбился со своего обычного самоуверенного тона и тотчас же обозлился на себя: «Еще подумает, что я подлизываюсь. Надо быть с ним небрежней и грубей, таким, как он сам. Оттого и авторитет у него...»

Басов сел на край стула и рассеянно забросил руку за спинку.

– Подготовили все к ремонту топливного насоса, – сказал он, глядя в сторону, – это последнее, что осталось.

Алявдин сделал внимательное лицо, досадуя на себя за то, что не находит ответа, но в то же время ему было приятно, что он сидит с механиком и разговаривает с ним на виду у всех.

– Как насчет новой трассы? – крикнул Басов, обращаясь к помполиту. – Вы там обсудили треугольником, почему же молчите? Капитан Кутасов беспокойно завозился:

– Да мы, собственно, так и не пришли к выводу.

Как будто глубина пролива достаточна для прохождения с осадкой в семь футов, то есть без груза, но, с другой стороны, эта трасса настолько мало изучена...

Как вы думаете, Олег Сергеевич?

– Я не был на треугольнике, – отозвался Касацкий, улыбаясь, – но я уже сказал вам свое мнение. Проход возможен.

– Знаю, что возможен... да ведь ответственность-то большая, – тянул Евгений Степанович, – другие остерегаются, а мы полезем. Значит, опасно, если остерегаются там ходить. Ведь опасно?

– Ну, опасно – это слишком. Риск есть небольшой, это верно.

– Вот видите? Риск есть, как же можно?..

– Да ведь без риска только рыба плавает, Евгений Степанович, – приторно-ласково улыбнулся Касацкий, – не просить же капитана «Агамали», чтобы он проложил нам трассу.

Водворилась неловкая тишина. Многие опустили головы, скрывая улыбку, кусали губы. Басов крякнул и нахмурился, наблюдая штурмана: Касацкий и сам был, казалось, удивлен своими словами. Он оглянулся вокруг с невинным и веселым недоумением.

– Я хотел сказать, что следует пойти на риск, если это разумно и представляется целесообразным, – продолжал он без всякого смущения, – в проливе мы сэкономим около часа, – это составит по трассе примерно сто тысяч тонно-миль за рейс. Если учесть при этом, что мы открываем дорогу другим... Одним словом, я – за!

– Вы тогда смотрели по карте, Евгений Степанович, – заметил помполит, – как будто вы не возражали, я помню.

Капитан пригорюнился, подпирая щеку пухлой ладонью. Как всегда, ему было тяжело оттого, что его уговаривали, и ему очень хотелось покончить с этим и согласиться. Но в то же время его пугала ответственность, которой можно было и не брать на себя.

– Хорошо, быть по сему, – сказал он наконец твердым, решительным голосом, какой бывает у очень мягких, уступчивых людей, знающих свою мягкость и старающихся скрыть ее от окружающих, – я сам поведу судно в проливе. В конце концов, риск незначительный, как будто? – закончил он полувопросом, словно ожидая согласия окружающих, чтобы окончательно

успокоиться.

Алявдин просиял. За последнюю минуту он несколько раз менялся в лице, то впадая в унылую озлобленность, то вновь разглаживая морщины у рта и оживая. Теперь он шепнул Басову, будучи не в силах скрыть свою радость и забывая о своем намерении держаться грубо и небрежно:

– Это настоящее рационализаторское предложение. Правда, Александр Иванович?

Во время стоянки с борта танкера было снято около ста тонн паразитных тяжестей. Здесь были якорные цепи и якоря, тяжелые детали двигателей, предназначенные для зимнего ремонта. Запас топлива был взят только на один рейс. Все это дало возможность принять на борт лишних триста тонн полезного груза.

В машинном отделении исправляли топливный насос, чистили форсунки. Мустафа Гусейн, испачканный и лохматый, выскочил на палубу и подозвал радиста.

– Ты можешь оказать мне услугу, – сказал он смущенно, – мне уже сегодня не выбраться отсюда, видишь ли... Одним словом, ты должен позвонить... одному человеку.

– Понятно. Тебе сегодня не гулять, – усмехнулся Володя, – ты сейчас похож на людоеда с детской картинки. А как зовут ее... твоего человека?

Он принял у Гусейна листок и сдвинул на затылок фуражку.

– Я ей скажу, что ты не в духе. Может быть, она со мной пройдет, как знать!

– Да ты не нахамишь, Володька? – спросил Гусейн, с сомнением оглядывая посланца. – Душу выну, смотри!

Перед приходом была послана телеграмма о подготовке к стахановскому рейсу. Оповещены были рабочие пристани и персонал насосной станции. Станция работала исправно, груз подавался под полным напором, шланги звенели, высокий корпус «Дербента» медленно погружался в воду.

Со штурманского мостика следили за погрузкой капитан и помощники. Евгения Степановича захватила горячая, немного торжественная суэта подготовки. В море он перечитал последние номера газет, и перед ним был образ Стаханова в ореоле

молниеносной славы. Но Евгений Степанович все боялся чего-то. Страх приходил внезапно, как бы врасплох, хватая за сердце. Слишком много нового делалось на судне, и это новое противоречило его склонности к обжитому, привычному укладу.

На собрании его уговорили идти проливом, и он согласился, потому что риск казался ему небольшим, а кругом рассуждали о смелой рационализации Стаханова. Но, поднявшись на мостик, он вспомнил аварийный случай с «Кавказом», севшим на мель у Бирючьей Косы, и уверенность его исчезла. По палубе тащили ржавые цепи и бухты тросов, из кладовых машинного отделения выносили тяжелые цилиндрические предметы, назначение которых было известно механику. Пока Басов стоял на палубе и торопил рабочих, Евгений Степанович спокойно прикидывал в уме, сколько может весить вся эта масса тяжестей. Но механик скрылся в машинном отделении, и тогда Евгений Степанович внезапно ощутил беспокойство, – все-таки никто так не делал до сих пор. А вдруг запасные части понадобятся в море или не хватит топлива во время шторма!

Евгений Степанович охотно поговорил бы с первым помощником, он даже заговаривал с ним несколько раз, но Касацкий отвечал односложно и, видимо, был чем-то удручен. Лицо его побледнело, явственно обозначилась старческая одутловатость щек, которой раньше не замечал Евгений Степанович. К тому же от Касацкого пахло водкой и глаза его мрачно, нехорошо блестели.

– Что с вами? – шепнул Евгений Степанович, когда они на минуту остались одни. – У вас больной вид. Случилось что-нибудь?

– Голова болит...

– Всё рюмочки. Бросили бы вы, ей-бегу!

– Отстаньте... В кино мне, что ли, бегать прикажете? Слушайте... Все они там очень молоды. Или мне это так кажется? Я говорю о тех, на палубе.

– Не так уж молоды. Басову лет тридцать. Вот он стоит.

– Нет, он мальчишка... Способный мальчишка, и только!

– Не понимаю.

– И не надо вам понимать. Вы – старик.

– Вам бы прилечь... Что с вами?

– Пустяки. Смотрите на Алявдина.

Второй помощник взбежал на мостик и остановился, переводя дух. Он посмотрел на часы и счастливо улыбнулся.

– Семь тысяч тонн взяли за три часа, – сообщил он, сияя. – Здорово, Евгений Степанович! Никогда так не работала пристань. Я сбегал в насосную, поблагодарить хотел, а они смеются. «Мы, – говорят, – на стахановцев сегодня работаем. Покажите себя в море, вот и вся благодарность». Однако нам пора оттянуться в глубину, эта пристань мелкая, Евгений Степанович.

– Что же, давайте оттянемся, – согласился капитан, – как вы думаете, Олег Сергеевич?

– Не знаю... Вам видней.

– Оттягиваться, – решил капитан, внезапно повеселев, – подите, голубчик, оттянитесь шпилем метров на десять. Так вы говорите, все идет хорошо?

– Отменно хорошо, Евгений Степанович!

На пристани рабочие поднимали шланги. Оттянутые в сторону, они повисли над причалом, роняя черные струйки мазута. Загремели шпилевые электромоторы «Дербента». Судно медленно скользило вдоль пристани в глубину и остановилось. Теперь поставили только один шланг для налива последней тысячи тонн груза. Стемнело. На палубу вылез Гусейн и присел на ступеньку трапа. Он мурлыкал тихонько, вытирая тряпкой лицо и голую грудь, ловя ноздрями свежий морской ветер. По сходням прошли матросы, вернувшиеся из города. Среди них был Володя Макаров. Он подошел к Гусейну, откозырял и щелкнул каблуками.

– Задание выполнено, – сказал он шутливо, – приказали кланяться. С большой любовью изволили отзывать о вашей особе. Я даже прослезился.

– Брось паясничать, – нахмурился Гусейн. – Что она сказала?

– Нет, правда. Видно, она крепко ждала тебя, потому что, когда я сказал, что ты занят, у нее голосок оборвался. Интересно, какая она?

– Не твоего ума дело... Ах, черт... Вот горе, Володька!

– Какое же горе? Я ей сказал, что мы выходим в стахановский рейс, она стала расспрашивать и будто повеселела. Кажется, ей понравился мой голос, между прочим. В конце концов меня выгнали из телефонной будки. Славная девчонка!

– Много ты понимаешь...

Рабочие на пристани закрыли задвижку трубопровода и взялись за цепи подъемного механизма шланга. Погрузка кончилась. Оглушительно грянул металлический голос «Дербента», и в нем мгновенно утонули все звуки. Потом рев оборвался, и издали откликнулось эхо коротким басистым лаем.

– Погрузку закончили за три часа семнадцать минут, – сказал Володя, взглянув на ручные часы. – Молодцы пристанские! Так быстро мы еще никогда не наливались. Теперь только давайте узлы, товарищи мотористы.

Гусейн вскочил и потянулся, весело улыбаясь:.

– Сейчас исправили топливный насос. Дадим в пути узлов тринадцать, не меньше. Довольно тебе? Эх, и побежим мы сегодня, Володька! Славно побежим! Powestler